

*Мурлибек**Мамесейит*

ГУЛЬДЕРАЙИМ

Песня то приближалась, то отдалялась и все время не отпускала, пленяла непонятным очарованием. Она колдовски подчиняла всё на свете своей сладостной нежности, словно сильное солнце разгоняло остатки утреннего тумана, и растворялись в прозрачной тишине последние светло-жемчужные волоконца. Просторный голубой небесный купол все выше, и все звонче очаровывал мир незримый голос.

О-о-о, Гильдерайим!

Сестричка-луна,
Братишка-солнце!
Как мне быть,
Крыльев нет,
И взлететь не могу!

Боже мой, какая печаль в словах, в чудесном голосе, что звучит, не прерываясь! Как крепко, властно она взяла его в плен как раз сейчас, в это утреннее мгновение! А ведь слышал он ее и раньше, да только оставался глух и равнодушен, чурбан несчастный... «О-о-о, Гильдерайим...» Словно тонкие золотые нити благоговенно оплетают всю землю – так хорошо на сердце. Сеит перебирает травинки, покусывает влажные стебельки, на некоторых еще вздрагивают росные капельки. Наконец ему надоедает это бездумное занятие, и он, изо всех сил потянувшись, до хруста во всех ребячьих косточках, блаженно растягивается на земле.

«Вот благодать-то!» – смотрит он в необычайно высокое небо.

Однако долго блаженствовать не пришлось. Оглушительно залаяла собака. Неподалеку, оробев, неподвижно стояла напуганная девушка, девочка, в которой Сеит тотчас признал соседку, по имени Зауре. Почувствовав в сердце непонятный, но сладкий укол, мальчик бросился к Мойнаку, еще недавно мирно дремавшему в дворовой пыли. Теперь собака, оцетинившись, широко расставив все четыре лапы, непрерывно и грозно облаивала юную соседку. Сеит сурово прикрикнул на собаку, но этим смелость мальчика и ограничилась, сказать пришедшей девочке: «Не бойся, проходи!» – он так и не решился.

Вчера именно он, Сеит, погнал овечью отару на пастбище, на южную сторону просторного склона Родникового холма. Эти земли отвели семье Сеита. А вот северная сторона, с хорошими обильными выпасами, закреплена за родителями Зауре. Пока только две семьи и пасут скот в окрестностях Родникового холма. Две-три недели, как они сюда перебрались, и все эти дни при соседской отаре неотлучно находится Зауре. Вот вчера она пасла овец, и тогда-то, когда в мире

не существовало никаких звуков, кроме восторженного сурчиного верещания да захлебывающегося булькотания уларов, Сеит впервые слушал прелестную песню «Гульдерайим». Она сразу покорила его: всё время она с ним, всё время слышит он простые жалобы одинокой души.

– Сеит, что замечтался? Проводи-ка гостью, чтобы собака не напугала! – это мать, посмеиваясь над его смущением, помогает выйти из оцепенения.

С готовностью Сеит бросается к миролюбивому, но громкоголосому Мойнаку, который своим лаем способен и волчью стаю напугать, зажимает собачью морду и поощрительно кивает легко ступающей Зауре. И злится на себя за молчание.

Девушка, мягко и понимающе улыбнувшись, быстро спускается с крыльца – миг, и она за оградой, и вскоре скрывается за зеленым гребнем холма. Собака вырывается, мотая крупной тяжелой головой, а он все смотрит и смотрит вслед ушедшей девочке.

Помедлив, Сеит пошел в дом в расчете на то, что мать проговорится о причине появления Зауре.

Мать как раз кончила теревить шерсть и, стяхивая с подола длинного платья светло-серое пушистое облако, поднялась, растирая поясницу:

– Ох, вся занемела, проклятая!

Потом она отряхнула подол руками и, уже окончательно выпрямившись, спросила:

– Ушла, бедняжка?

– Кстати, мама, зачем она приходила?

Мать круговыми движениями взбалтывала в бурдюке кумыс.

– Господи, не понять мне Жексенбая... Что он за человек, не разбери поймешь... – загадочно ответила мать, и лицо паренька вытянулось: «Как прикажете понимать эти непонятные слова!»

Однако всё тотчас разъяснилось, когда мать заговорила снова.

– Зауре за солью собирается на базу, просит, чтобы ты с нею поехал. Лучше бы сам Жексенбай отправился, чем дочь посылать! – воскликнула она, не скрывая недовольства.

Шипел, оседая, взболтанный кумыс, по комнате распространялся терпкий, щечкочущий ноздри запах. Мать из бурдюка налила немного кумыса в низкую эмалированную кастрюлю и теперь помешивала жидкость деревянной поварешкой.

– Ладно, – наконец сказала мать, не желавшая потакать неласковому характеру соседа. – Черт с ним, с Жексенбаем. Помоги Заурешке. Выпей кумыса и поезжай, поведешь вола... Давай, с Богом. К тому времени, как ты вернешься, я и кобылу подоить успею...

Солнце устремилось к закату, в горных ущельях легли тени, когда Сеит с Зауре повели вола по дороге к базе. Нельзя сказать, чтобы и Сеиту нравился отец девочки. Разве годится, чтоб девчонка таскала мешки с солью? Он сам без помощи отца не в состоянии взвалить полмешка на лошадь, что говорить о хрупкой девушке.

Отец Сеита тоже не больно-то жалуется жестокого соседа:

– Если бы не Зауре, и сам чванный Жексенбай, и его злоязычная жена давным-давно протянули бы ноги! На ней вся семья держится. Несгибаемый характер, закаленный она человек!

Надо сказать, что на Родниковом холме первой обосновалась как раз семья Сеита. А вот когда они обжились, освоились с местностью, и соседи объявились. Правда, большую часть вещей им пришлось оставить на базе – как раз там, куда сейчас за солью отправились двое подростков. Отец отправил тогда Сеита помочь соседям перевезти вещи. Мальчик одну лошадь оседлал, другую вел в поводу.

– Приветствую вас, – почтительно поздоровался Сеит с новыми соседями, вошедшими с вещами.

– Да, да, здравствуй, сынок! – за всех ответил Жексенбай, смуглолицый, рослый крепыш, взвалив на бурого вола поклажу.

По другую сторону животного стояла Зауре и помогала отцу. Сеит вначале принял ее за мальчишку, своего сверстника, тем более что Жексенбай и обращался с нею грубо, бесцеремонно покрикивал и понукал.

– Натягивай крепче! Тяни, тяни, сильнее, теперь держи, не выпускай, пока я затяну узлом! – громко командовал глава семейства.

– Слушай, паренек, – недовольно покосился он на Сеита, – чем глазеть-то попусту, помоги, давай сюда! А лошадей вон там привяжи, за сараем и коновязь есть; не бойся, не денутся никуда...

Сеит поспешил выполнить приказание незнакомца.

– А что отец не приехал? – Жексенбай улыбнулся, однако улыбка эта поразила мальчика холодной безжизненностью.

– Он с отарой, – смутился Сеит.

Ему показалось обидным еле заметное пренебрежение, с каким Жексенбай расспрашивал об отце.

– Ладно, давай сюда! И ты сойдешь, – покровительственно бросил новопривыкший. – Барахла у нас немного, пару раз на конях слетаем, всего и делов-то... А отцу скажи, пусть поскорей угощение готовит – как полагается по обычаю. – И Жексенбай расхохотался так, что шнырявшие в кустарнике воробьи бросились врассыпную.

Сеит, правда, быстро перестал обращать внимание на Жексенбая – он не отводил глаз от проворной мускулистой девчонки. Родители без нее не могли обойтись ни секундошки: «Зауре, поддержи! Зауре, помоги! Поддай! Принеси!.. Зауре, туда, Зауре, сюда!..» И она без устали носилась кругом и всюду попевала. «Двужильная она, что ли?» – изумленно подумал Сеит.

Когда выбрались на узкую дорогу к Родниковому холму, вол замер: тяжелая поклажа съехала с широкой спины. Зауре сидела на лошади, тоже навьюченной, а вола вела в поводу. В голове кочевья покачивался в седле осанистый Жексенбай. Оглянувшись, он заметил заминку и заорал:

– Зауре, какого черта! Не видишь – поклажа сдвинулась. Слезай скорее – вол упадет и вещи придавит – беды не оберешься. Да пошевеливайся!

Огрев с досады ни в чем не повинного коня плетью, Жексенбай подскочил к виновнику остановки. Зауре соскочила с лошади и подставила руки под выюк. Однако ноша была непосильной, а ноги девушки скользили по краю обрыва. Сеит бросился на помощь и подпер выюк плечом.

Подбежавший отец разве что плетью не огрел дочь:

– Ты что, не завтракала? Поклажа почти на земле... Господи, совсем ума лишилась. Пошла прочь! – и, оттолкнув девушку, одним движением возвратил тяжелый груз на хребтину вола.

Долго еще ворчал Жексенбай, а помрачневшие Зауре и Сеит присматривали за поклажей, за всю дорогу не проронив ни слова.

Вот почему с первого дня знакомства мальчик невзлюбил соседа, вот почему сейчас с такой охотой он отправляется за солью – и Зауре помочь, и вообще хорошо, что именно с нею он поедет на базу и обратно.

Быстро попрощавшись с матерью, Сеит подбежал к оврагу, около которого его поджидала Зауре, державшая в поводу старого знакомца – все того же коричневого вола. Дальше ребята двигались вместе – дорога шла по дну оврага, вдоль не-

большой, причудливо петлявшей речушки. Первый раз оставшись наедине, Зауре и Сеит как-то подобрались, притихли, лишь немного погода Зауре потихоньку, почти не разжимая губ, что-то запела.

Овраг остался позади, русло речки расширилось. Вол бросился к берегу и поволок за собой девушку. Блики от речной ряби отразились в его выпуклых глазах. Животное захлопало, с шумом всасывая воду. Зауре оглянулась на Сеита, смущенно улыбнулась, как бы извиняясь за несдержанность вола. Украдкой мальчик рассматривал девушку, легким натягиванием повода проверявшую, утолил ли на конец вол жажду.

На ней, как и в первый день встречи, поношенные брюки, заправленные в потертые кирзовые сапоги – они ей великоваты, как и бархатный бешмет. А вот платка на голове нет, и густые черные волосы заплетены в одну толстую косу. Конец косы расплелся, наверное, Зауре торопилась...

Сеит, раздумывая, с чего бы начать разговор, стал осматриваться кругом – заробеешь, когда Зауре так внимательно, сдвинув брови, глядит на вола, похоже, теперь просто полощущего свою крупную голову в речке.

– Ого, сколько здесь кислицы! – говорит Сеит, наклоняясь к крепкому стеблю.

Вдоволь кислицы растет здесь на берегу. Ободрав жесткую оболочку, он высвобождает терпкую мякоть, протягивает спутнице. Та благодарно шевелит губами, а вол, повернув огромную голову к Сеиту, тупо уставился на него выпуклыми блестящими глазами...

Сеит перенял веревку у Зауре, но девочка сказала:

– Знаешь, давай посидим немного, еще успеем...

Она отведала кислицы и поморщилась.

– Совсем кислая. Еще не пришло ее время, – проговорила нараспев.

– Точно, – Сеит присел на корточки рядом.

Вол подошел поближе к разговаривающим ребятам, с любопытством обнюхал кислицу, которую дружно жевали его погонщики, но ему не понравилось.

– Точно, кислая, – и Сеит поморщился точно так же, как и Зауре. – А вот вчера я пас овец на краю Родникового холма, там пропасть ревеня растет. Не сравнить: сладкий-пресладкий!

Все-таки выплюнуть кислую кашу Сеит постеснялся. А Зауре, бросив растрепанный стебель в речку, как и раньше, негромко замурлыкала ту же песенку.

– Да пой ты громче! – встрепенувшись, воскликнул обрадованный Сеит. – Ты же просто как певица, я весь день вчера слушал!

– Скажешь тоже, певица, – надменно подняв левую бровь, отпарировала Зауре. – Скучно мне одной, вот и пою, что знаю.

– Да нет, поверь мне! – настаивал Сеит. – Ты хорошо поешь, ну спой сейчас... Знаешь, что спой...

– Может, на обратном пути... Мы и так засиделись, нам пора.

И она встала, взяла из рук Сеита повод, подергала и пошла по дороге вперед, а Сеит приотстал.

Речка свернула влево, углубившись в непроходимые заросли. Ребята-погонщики шли теперь узким ущельем, на дне которого проложена еле намеченная тропинка – да, это не торный караванный путь. Цепкие ветки дикого шиповника, барбариса, разросшиеся кусты арчовника – не дай бог полыхнет здесь дикий огонь... Подумав об этом с тревогой, Сеит посмотрел на хрупкую ладную девичью фигуру и стало ему жаль Зауре: «Как же это ее соль грузить посылают?»

Шагала она, понури́в голову, совсем погрузившись в невеселые размышления, делиться которыми со спутником не собиралась.

Так они пришли к небольшому домику из сосновых бревен. Перед домиком – четыре жерди подпирают навес из камыша, под навесом – свежая куча серой соли. Ее привозят сюда с центральной усадьбы. По кристалликам соли на земле, по следам тележных колес с краю соляной насыпи, по свежим конским яблокам можно было догадаться, что ребята не первыми приехали сегодня за солью. Здесь побывали и другие чабаны: топтался кто-то в больших сапогах.

Зауре ловко привязала вола к кусту, сняла с его спины двойной мешок и принялась вытряхивать.

– Как же мы заполним мешки? – никак не мог сообразить Сеит.

Он понимал, что нагруженные мешки им не взвалить на вола.

Зауре лишь на мгновение задумалась.

– Сейчас что-нибудь придумаем...

И девушка, бросив пустой мешок на кучу соли, вбежала по низким ступенькам в сосновый домик и скоро возвратилась, держа в руках старое помятое ведерко. Она подняла его как нелегкую добычу.

– Клади мешок волу на спину, а сам залезай на него, я буду тебе подавать. Ведерко – в один мешок, ведерко – в другой, вот как просто.

Так и поступили. Работа спорилась. Огромный дорожный мешок заполнялся солью, которая, казалось, еще пахла озерной сыростью. Зауре зачерпывала ведерком серую сыпучую массу, подавала мальчику, а он засовывал его в мешок, поочередно в левую или правую половину, стараясь ничего не просыпать на землю.

Не прошло и часа, как, подставив ветерку раскрасневшееся лицо, Зауре, по веселевшая, шла рядом с Сеитом, посмеиваясь над волом, флегматиком и меланхоликом, вовсе приунывшим, когда по его бокам разместился тяжелый груз. Вол шумно дышал, и чем ближе было ущелье, тем медленнее переставлял ноги. Смотрел-смотрел на него Сеит и рассмеялся.

– Ты что? – спросила Зауре, смеясь вместе с ним.

– Да вспомнил про вола...

– Про нашего?

– Нет, сказка такая короткая.

– Ну расскажи!

Зауре погладила покорно несущее груз животное, про которое, оказывается, и сказки существуют.

– Вот слушай. Одного вола хозяин отправил за солью. Не только же нам за солью ездить. Шагает вол по дороге, встречает привязанного к колышку теленка. Тот спрашивает – малыши всегда ведь любопытны: куда, мол, идешь, вол, а? Вол нет, чтобы вежливо ответить, взял да и наорал на теленка: «Какая твоя забота! Сидишь себе на привязи, значит, такая твоя горькая доля, так что ты вместе с матерью твоей, коровой, – невольники. А я – вольная птица. Сейчас отправился за солью». Хорошо еще, что рогами не поддел бедного малыша.

Сеит привык, что рассказчика обыкновенно поощряют, вставляют замечания и задают вопросы, а вот его спутница только слушала, но зато никаких других слушателей ему было не надо.

– Пасется себе теленок, ест потихоньку зеленую травку, только слышит, как по дороге кто-то топает тяжело и сопит. Смотрит, а это вол возвращается. Теленок к нему: «Как дела, почтенный вол – вольная птица? Откуда и куда?» Вол бредет под тяжестью поклажи, голову низко опустил, молчит. Да только теленок не отстанет – малыши, они злопамятны, не прощают обидчикам – всё пристаёт с расспросами.

Остановился вол, отдышался, да и говорит: «Э-эх, сосунок, дать бы тебе затрещину, чтобы не лез с дурацкими расспросами. Не видишь разве, с солью возвращаюсь, тороплюсь, а не то не миновать мне хозяйской палки».

– Как интересно! – призналась Зауре, хохоча во все горло: ей особенно понравилось, как Сеит передразнил запыхавшегося, отдувающегося вола, еле-еле переставляющего ноги.

Очень оживилась девушка, заиграли лукавые ямочки на щеках, заблестели ореховые глаза.

– И наш бедолага, наверное, то же самое ответил бы, попадись по дороге теленок.

Вновь все трое оказались на берегу реки, на том самом месте, где некоторое время назад они уже делали небольшой привал.

– Всё! – заявила Зауре, привязывая вола к небольшому деревцу, около которого обильно росла зеленая трава. – Можем и отдохнуть. Ты не против?

Она присела на небольшой камень. Такой же камень для Сеита нашелся чуть поодаль. Он смотрел на девушку, чьих волос касался ветерок, тайком пробравшийся в тихое место, смотрел на сросшиеся брови, на темно-карие глаза, опущенные длинными ресницами, и не в силах был отвести от Зауре восхищенного взгляда. А она, чуть сощуриив глаза, поглядывала то на быстро бегущую речную воду, то на противоположный склон, сплошь поросший арчовником.

Наконец Сеит, нарушая тишину, – но и молчать дальше было нельзя, – решительно спросил:

– О чем ты думаешь, Зауре?

– Да так, можно сказать, ни о чем...

И, наклонившись к урезу воды, сорвала трепещущий тюльпан, бог весть каким образом поднявшийся около самой речки.

– Ты же обещала спеть песню, – несмело напомнил Сеит.

Мальчику хотелось отвлечь девушку от невеселых мыслей. Она мимолетно взглянула на Сеита.

– Неловко как-то... Я стыжусь...

– Кого?! Меня?!

– А то кого же? Вола, что ли? Тебе сколько лет-то, в какой класс перешел?

– В седьмой! Да ты смеешься надо мной! – с великой обидой вымолвил Сеит – девушка никак не признавала в нем ровню.

– Ни капельки, – спокойно ответила девушка, и тюльпан в ее руке согласно закивал. – Совсем взрослый ты, и я стесняюсь, ничего особенного.

Она погладила спутника по голове, заглянула ему в глаза, и этот короткий взгляд, как огнем, опалил Сеита. От мучительного озноба ему стало нехорошо.

– Ладно, – он поднялся, маленький мужчина, которому надо было справиться с нахлынувшим чувством, – пойду пособираю кислицы, может, и ремень отыщется... А ты пой, пой, нечего стесняться! – закончил он грубовато и полез вверх по склону, не обращая внимания на колючие ветки, немилосердно царапающие кожу.

– Хитрец! – ласково напутствовала его Зауре.

Мальчик отошел на небольшое расстояние, скрытно посматривая на девушку. Она бросила цветок в реку, и течение тотчас подхватило его. Несколько мгновений темнеющие красные лепестки мелькали в пенных струях, потом исчезли.

Сеит смотрел на девушку, склонившуюся над водой. Когда же в нетерпении он прошептал: «Что же она, почему молчит?» – послышался чистый негромкий голос: ни хрипоты, ни надтреснутости в нем не было и следа, он напоминал золотую паутинную нить в погожий осенний денек.

Когда зазвучала в полную силу очаровавшая его «Гульдерайим», ему стало физически больно, так больно, что он до крови закусил губу: больше всего на свете сейчас он хотел всю жизнь быть с Зауре, и лучше всех на свете он знал, что этому никогда не бывать.

Кругом, казалось, все затихло, замерло, боясь помешать заполнившим пространство чистым печальным звукам.

Грустью горчит
Голос мой одинокий.
О-о-о, Гульдерайим,
Зрачок души,
Сестричка-луна,
Братишка-солнце!
Бескрылым беркутом
Тоскую о тебе, любимая!

Нежно плелось песенное кружево, ясно слышалось каждое слово, и всё вокруг: травы, кусты, речка и высокие небеса – склонились в тихом восторге перед печалью неразделенной любви. Этот голос, эти простые слова манили, что-то обещали, и Сеит, выронив сорванные стебли кислицы, пошел, как слепой, как в сновидении, к девушке. Зауре сидела на берегу в той же позе, словно не замечая подошедшего мальчика.

Он присел совсем близко, почти плечо в плечо, но Зауре не замечала его, только заканчивала песню шепотом: «Как мне быть, крыльев нет, и взлететь не могу!»

Лишь через несколько минут девушка перевела на Сеита тяжелый взгляд, и его охватило раскаяние: «Зачем, зачем приставал к ней с просьбой петь? Вот теперь она плачет, а чем я помогу? Почему она плачет?»

Наверное, специально, чтобы мальчику стало еще больнее, память подсунула ему один разговор родителей, к нему не относившийся, но воспринятый с предельным вниманием.

Несколько дней назад отец Сеита долго искал пропавшую корову. Все-таки нашел ее, и вот, вымокший до нитки, никак не мог согреться, пил чай, костеря бедную корову на чем свет стоит:

– Забралась, чтоб ей ни дна, ни покрывки, на заброшенное зимовье в Жаркулаке, нашла там сено, пристроилась... Ей и горя мало, а тут не знаешь, что и думать. К тому же целый день дождь моросит... Соседской девчонке тоже досталось...

– Ты что, ее встретил? – спросила мать Сеита, подвигая отцу пиалу с дымящимся чаем.

– Ага, за домом Жексенбая собирала хворост... Сам-то и носа из дома не кажет, да и дров не запас, чтобы в такую непогодь гнать девушку на дождь.

– Бедняжка, – сочувственно покачала головой мать, – сирота она и есть сирота... Отец – скромняга, мухи не обидит, погиб на фронте, и мать не задержалась на белом свете. Помнишь, Сеиту только три года было, в горах шли проливные дожди, речка вздулась, вышла из берегов – тело матери ее нашли на широком перекате. Кто знает, как это случилось, но если сама она – грех на ней.

Очень опечалил Сеита материнский рассказ, а она продолжала:

– А как клялся Жексенбай, помнишь? «В детский дом не отдам, не дам осиротеть кровиночке! В люди выведу...» Вывел! В родной, можно сказать, семье чумазой прислугой вкалывает – школу и то не дал кончить.

Сеит готов был кулаком по голове себя колотить, проклиная свою нечуткость. Как же не понимал он: Зауре тоскует о родителях, только в песне она может поведать миру о своей печали, о невыносимом постоянном одиночестве. С ума мож-

но сойти... От песни, что, смолкнув, всё еще странным сновидением тревожит мальчишескую душу, от Зауре, что смотрит на мир сквозь слезы, от всего мира, который, кажется, исчезнет, если... Нет, додумать Сеит не в силах.

Девушка еще посидела, потом наклонилась к речке, зачерпнула обеими ладонями воды и погрузила в них лицо. Потом поднялась.

– Пора в путь, Сеит, мы и так сильно запозднилися, – сказала она отчужденным изменившимся голосом.

Чувствуя себя без вины виноватым, Сеит взялся за воловью веревку.

Близился закат, меж холмами прибавлялось темноты, сильнее стал ветер, сильнее и прохладнее, в нем больше не чувствовалось дневного приятного тепла, солнечные лучи прощально прикасались к остроконечным вершинам. Зауре и Сеит, словно поспорившись, молчали, вслушиваясь в сопение вола и гулкие, далеко разносящиеся в горном воздухе хлопки птичьих крыльев – то летели на ночлег улары.

Домой добрались совсем в потемках: чтобы не встречаться с грубым Жексенбаем, Сеит торопливо попрощался с Зауре и пошел прочь.

Ночью ему не спалось. Снова и снова брел он по ущелью, таща ленивого вола с мешками соли на спине, снова слышал печальную песню. Ворочался-ворочался, потом впотьмах, ощупью вышел на улицу. Старался ступать, как кошка, и всё равно овцы, лежавшие поблизости, вскочили и бестолково шарахнулись в сторону. Мать и отец не слышали, и он был рад – не хотелось ему, чтобы кто-то помешал его одиночеству.

Яркая молочно-меловая луна освещала пространство летней ночи. Своим загадочным светом она погрузила в волшебный непробудный сон горные вершины, над которыми царственно возвышался повелитель снегов и скал – великий Хан-Тенгри. Необычайная тишина нарастала и как бы колыхалась прохладной пряной влагой. Некоторые овцы не спали, неумоимо пережевывая корм, и эти звуки делали ночь особенно родной и уютной. Над головой пылали костры созвездий, и время от времени падающая звезда догорающей головешкой прочерчивала короткий огнистый путь по небу. Звезды горели прямо перед глазами Сеита, и он боялся произнести хотя бы одно слово: а вдруг вся эта прекрасная звездная картина в мгновение ока исчезнет, рассыплется, и мир погрузится в непроглядную черноту?

Овцы, напуганные мечтательным полуночником, успокоились и улеглись, затесавшись в дремлющую отару. Сеит, у которого сна не было ни в одном глазу, смотрел теперь в сторону дома девушки. Чтобы лучше видеть, хотел он забраться по лестнице на крышу, но представил, какой тарарам поднимет заполошный Мойнак, и отказался от опасного намерения.

Влюбленный мальчик решил, что Зауре, как и он, не спит, ждет не дождется, когда настанет утро, чтобы отойти подальше от кочевья, и там, на просторе, во весь голос вновь запеть «Гульдерайим», вновь поведать миру свою грусть. Выбежавший из дома в одной майке и трусах, Сеит совершенно замерз, дрожал от предутреннего холода, от возбуждения, но не уходил, всё вытягивал голову в сторону восхода, дожидаясь, когда же наконец звезды станут постепенно отдаляться и исчезать с небосвода, и забрезжит над темной горной грядой первая полоска дневного света...

Перевод Константина Кешина.

